

«Странный путник» (об этической позиции Н. С. Лескова)

Strange Traveller (about the Ethical Position of N. S. Leskov)

Галина Косых

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

Abstract:

This article examines Leskov's ethical position, caused by the peculiarities influencing the formation of his worldview. It emphasizes the autonomy of the writer in understanding of events he witnessed and which were reflected in his works. The article presents the literary-critical assessment of Leskov's contemporaries, representing attempts of critics to understand the writer's works, determine his place and role in literature and based primarily on their social and political beliefs. This is determined by the content of their judgments, often one-sided and biased. The validity of L. N. Tolstoy's statements about Leskov was justified. Tolstoy saw in the writer "type of Christian idealist".

Key words:

Leskov; ideas; idealist; critic; literary criticism; writer; journalistic articles; ethical position

... Эти бедные люди думают, что образ мыслей человека зависит от Каткова или от Некрасова, а не проистекает органически из всех чувств и понятий.
(Из письма Н. С. Лескова)

[статьи]
В своих «записках» «Детские годы. (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» Н. С. Лесков, обосновывая отличие сюжета и композиции данного произведения от традиционного романного изложения и приступая к повествованию о загадочной судьбе о. Гордия, приведшей его в «заштатный скит», пишет: «Я был странный путник: бодрый, но неудержимо стремящийся вперед, я беспрестанно терял тропу, путался, и когда я хотел поправиться, то выходило, что я не знал, куда повернуть, и еще хуже запутывался...» [LESKOV 1957, 280]. Прочитанные слова почти дословно совпадают с лесковским объяснением своего жизнеустройства в разные периоды: «Я блуждал и воротился, и стал *сам собою* — тем, что я есмь. Многое мною написанное мне действительно неприятно, но лжи там нет нигде, — я всегда и везде был прям и искренен... Я просто заблуждался — не понимал, иногда подчинялся влиянию, и вообще — «не прочел хорошо евангелия» [LESKOV 1958, 508]. Этого откровения «блуждал и воротился, и стал *сам собою* — тем, что я есмь», как и признания в упомянутой (во многом автобиографической, написанной в 1874 г.) повести «Детские годы...»: «Автор уже теперь стоит выше всех предрассудков или предвзятых задач всяких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать; а это, надеюсь, встречается не часто» [LESKOV 1957, 279], — предпочитала не замечать современная писателю критика. Образ Лескова, «доблестного» автора «истребительного романа», «уронившего себя своим романом», произнесшего «над собою приговор» [PISAREV 1956, 259–262], «не видящего и не понимавшего русской действительности», без «определенной точки зрения и устойчивых взглядов» [L'VOV-ROGAČEVSKIJ 1913, 479], поддающегося влияниям и «болтливому пустослову» [BOGDANOVIČ 1897, 11], человека «ограниченного кругозора», «чудовищно легкомысленного», представлялся во многих литературно-критических отзывах современников писателя.

Показательно, что образ гимназиста, т. е. «человека мало знающего, необразованного», неотступно следовал за Лесковым через всю жизнь. Первоначально этот образ сформировался подспудно в отзывах Писарева («... простим г. Стебницкому его безграмотность») и явно — в статье Шелгунова «Люди сороковых годов», где автор, укоряя Лескова, назидательно констатирует: «Он смешал два разные понятия («идею» и «дело». — Г. К.), которые не позволяется смешивать не только современному романисту, но и современному гимназисту» [ŠELGUNOV 1974, 202], а затем он фигурировал в более поздних

постоянных укорах в отсутствии систематической образованности. Даже в 1900 г. В. В. Розанову приходилось защищать Лескова от подобных нападков, в частности, от обвинения В. Г. Авсеенко. В статье Розанова «Университет в образовании писателей» читаем: «Его очень легко можно было представить себе учеником, даже любимым учеником Тихонравова, Буслаева, Ключевского и А. Попова. Он говорил о том, о чем мы, бывало, в аудиториях и на вечеринках говорили; говорил умнее нас, проникновеннее, дальше видя» [ROZANOV 1900, 2], «Лесков — училище, сокровище ума, образования, размышления, не говоря уже о наблюдательности; он возбуждает бездну теоретических вопросов, и, очевидно, чрезвычайно многое для себя «университетски» же, со страстью профессора, но и еще с прибавкою таланта разрешил» [ROZANOV 1900, 2].

Образованность писателя получает особую актуальность при рассмотрении вопроса о его этической позиции 60-х гг. и последующего времени. Общеизвестно, что началу писательской деятельности предшествовали тринадцать лет службы (казенной и частной), во время которой будущий писатель постоянно разъезжает по Волге, югу России и другим местам, бывает в уездах, где сталкивается со всеми условиями. Этим обусловлен характер образованности Лескова — «не книжно-теоретический», а «жизненный», «наглядный». «Мне не приходилось, — вспоминал Лесков, — пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту. Я изучал его на месте. Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе, потому что учился не в школе, а на барках у Шкота... Книги и сотой доли не сказали мне того, что сказало столкновение с жизнью... Всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь, в южные степи... Подальше от Невского! Запасаться опытом и размышлением о действительной жизни» [FARESOV 1904, 20–21].

Обогащенный знанием народной жизни, Лесков в качестве публициста впервые вошел в литературу, когда ему было уже тридцать лет (1861) и «быстро приобрел литературную известность» [SKABIČEVSKIJ 1906, 347]. И уже здесь Лесков проявил себя по-своему, за что сторонники «прогрессивного» лагеря часто его укоряли. По убеждению А. Л. Волынского, «публицистические статьи Лескова, несмотря на его обширную осведомленность в житейских делах и вопросах, не производят ясного и цельного впечатления. Обилие коварных отступлений, оговорок и уступок, перемежающихся с тихоструйным красноречием в обычном патриотическом стиле, должно было возбуждать недоверие в читателях, приученных к резкой, яркой и прямолинейной публицистике. Какую бы тему не разрабатывал Лесков, он высказывает не одно, а два мнения, примиренные между собою только наружным образом. Его действительные чувства исчезают в тумане многословных рассуждений. Нигде

никакой твердости и логической стройности» [VOLYNSKIJ 1901, 224]. Хотя бы раз читавшему публицистические статьи Лескова очевидна неправомерность этих слов. Статьи, освещающие целый спектр всевозможных проблем и вопросов, не потеряли актуальности до сего дня, живо читаются и составляют конкуренцию его прославленным художественным произведениям. Разностороннее знание жизни народа, его качеств, проблем, нужд не допускали Лескова к скоропоспешным утверждениям, красноречивым высказываниям, не имеющим под собой никакого основания. По его мнению, сложные явления жизни не могут быть исчерпаны суждениями даже самых талантливых публицистов и находить свое решение в области отвлеченного философствования. Лесков — практик, и именно поэтому он дает не одно, а два мнения, два способа решения того или иного вопроса, часто, учитывая противоречивость самой жизни, делает отступления и оговорки. В эйфорической атмосфере 60-х позиция Лескова представлялась по меньшей мере странной. В последующих литературных работах она вызывала все более резкое отношение со стороны «прогрессивного» лагеря. Таким образом, «практицизм» — одна из основных особенностей лесковского мировидения 60-х гг., которая, безусловно, нашла отражение в его этической позиции: «Я сознаю, что в мои соображения входит гораздо больше практицизма, чем отвлеченной философии и возвышенной морали, но тем не менее я склонен так думать, как думаю» [LESKOV 1956, 40].

В неразрывной связи с практицизмом Лескова находится его отношение к так называемым «теориям жизни» или «идеям». Многие критики автора «Соборян» сходились в одном: в том, что Лесков был «безыдейным» писателем, что «у него не было идей, не было определенного отношения к жизни, и он то и дело бежал за тем, что в данную минуту обещало ему успех...» [SOLOV'JEV 1907, 451]. Отсюда якобы «отсутствие справедливости», «политическая озлобленность» [MIČHAJLOVSKIJ 1914, 645] отсутствие «определенной точки зрения и устойчивых взглядов», «собственное непонимание» жизни, «особый недостаток зрения, благодаря которому ему все представляется шиворот на выворот» [BOGDANOVIČ 1897, 11] и проч. Между тем, Лесков, наоборот, имел свою, не книжную, выверенную собственным знанием жизни определенную точку зрения на прошедшее и даже на будущее России и собственные устойчивые взгляды относительно тех общественных процессов, свидетелем которых он был не только в 60-х гг.

Можно согласиться с мнением Р. И. Сементковского, что в литературе Лесков проявил удивительную твердость и стабильность своих взглядов. Мир менялся вокруг писателя, идея сменяла идею, партия — партию, а позиция Лескова среди всеобщей сумятицы оставалась неизменной, так что можно утверждать, что «воззрения Лескова в общем необычайно устойчивы, что он остался

самим собою с начала до конца, что многое изменялось вокруг него, но что он сам не изменялся» [SEMENTKOVSKIJ 1897, VIII]. К анализу и оценке тех или иных идей и организуемых ими общественным движениям Лесков подходил также прежде всего как практик. «Идеи, — часто высказывался он, — которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!» [FARESOV 1904, 47]. Отношение Лескова к общественной мысли 60-х гг., наиболее ярко выраженное, находим в его романе «Некуда», в словах одного из главных героев, доктора Розанова, которого критика предпочитала замечать меньше всего. Между тем существование одного этого героя опровергает все обвинения Лескова в «недомыслии», «безыдейности» и т. д. Позиция Розанова в «Некуда» тождественна позиции самого автора. С ней можно соглашаться, можно, наоборот, быть противником ее, но отрицать ее вовсе, говорить об отсутствии каких-либо взглядов неправомерно. Характер общественной позиции Розанова, а значит, и самого Лескова удачно определил С. А. Венгеров: «В лице другого излюбленного героя своего, доктора Розанова, Лесков выводит нечто вроде либерального здравомыслия, ненавидящего только крайности, но стоящего за все, что есть хорошего в новых требованиях...» [VENGEROV 1896, 148]. «Либеральное здравомыслие» — черта, наиболее ярко характеризующая этическую позицию Лескова 60-х гг. и более позднего времени. «Либеральное здравомыслие» само по себе уже предполагает наличие собственной «здравой» позиции, не затуманенной общественным мнением. Отсюда как следствие отношение к господствующим идеям, «теориям жизни» как прогрессивного, так и консервативного характера. Устами своего героя Лесков сравнивает теории с «прокрустовым ложем»: «...эти теории-то то же самое прокрустово ложе. Они надоедят всем; поверьте, придет время, когда они всем надоедят, и как бы теоретики ни украшали свои кровати, люди от них бегать станут» [LESKOV 1997, 179]. На вопрос Лизы Бахаревой, есть ли у него какая-нибудь теория жизни, Розанов отвечает: «Нет... и не хочу я иметь ее. Теории-то эти, по моему мнению, погубили и губят людей... моя теория — жить независимо от теорий, только не ходить по ногам людям... Хотите непременно иметь знамя, ну, напишите на нем «испытай и виждь», да и живите» [LESKOV 1997, 178–179]. В представлении Розанова, одностороннее рационалистическое, теоретическое осознание жизни содержит в себе искусственную основу, когда «отвлеченное философствование» не согласуется с практикой житейской: «...я предпочитаю мою теорию (т.е. жить без теорий. — Г.К.), что в ней нет ни шарлатанства, ни самоуверенности. Мне одно понятно, что все эти теории или вытягивают чувства, или обрубают разум, а я верю, что человечество не будет счастливо, пока не открыто будет средство жить по чистому разуму, не подавляя присущего нашей натуре чувств» (выделено

мною. — Г.К.) [LESKOV 1997, 180]. Эстетика Лескова, как видим, ничем не отличается от опыта эмоционального переживания и рационального познания бытия русской классикой: «Литература... стремилась искать духовность не только в рациональности, но и в эмоциональности, в эмоциональной сфере, и тем более пристально, чем больше обнаруживалась при художественном исследовании зависимость нравственного от эмоциональных мотиваций, от «движений сердца» [BULANOV 1992, 153]. Дихотомия «ум — чувство» в творчестве писателя, где наряду с эмоциональным переживанием бытия сочеталась необходимость его рационального познания, не позволяла относить Лескова (например, В.В. Розанову) к «чистому славянофильству», а лишь к «эпизодическому» [KOŠELEV 1994, 134]. Категоричное отношение к идеям и теориям жизни подкрепляется осознанием того, что все эти теории некому осуществить в жизни. Беда Лескова заключалась в том, что он никогда не заблуждался относительно «качества» прогрессивного поколения 60-х гг. и позднее, вплоть до «толстовцев». «Мой вымысел о легких и бесхарактерных людях, берущихся за большое дело и роняющих его, остается и ныне верным русской жизни. И теперь, садись и пиши второе «Некуда» о большинстве наших толстовцев» [FARESOV 1904, 61], — замечает Лесков в конце своей литературной деятельности. О людях такого типа писатель говорит как о «словесниках», «кабинетных мумиях», «шутах» и т. д.: «Все это не были рыцари без пятна и упрека. Прошлое их большую часть отвечало стремлениям среды, от которой они отделялись. Молодые чиновники уже имели руки, запачканные взятками, учителя клялись за места и некоторые писали оды мерзавнейшим из мерзавнейших личностей; молодое дворянство секало людей и проматывало потовые гроши народа; остальные вели себя не лучше... Случались, конечно, и исключения, но не ими вода освящалась в великом море русской жизни. Лезли в купель люди прокаженные» [LESKOV 1997, 131]. В это время Лесков и пишет свой роман «Некуда». В критике мы видим много ответов на вопрос, почему Лесков его создал. Это и «наговор», и «озлобленность», «роман на заказ III отделения», «донос» и т. д., но никогда и нигде мы не встретим мнения, что писатель не лицемерил, не лукавил и написал произведение в духе своего настроения, по своему внутреннему убеждению. На самом деле создание романа диалектически взаимосвязано с его позицией — позицией «либерального здравомыслия»: «Я не знал, куда идти семимильными шагами, но я твердо шел вперед шагом, к которому привык и желал бы идти не один... Крайние пути, указанные Чернышевским и Герценом, были слишком большим скачком для молодого поколения, и я не ошибался, говоря, что это поколение и все общество не подготовлено к таким скачкам, что оно изменит себе, изренегаствуется, или просто оплошлит всякое дело, за которое возьмется»

[FARESOV 1904, 64–65]. В преклонном возрасте писатель относился к своему роману как к «пророчеству», неоднократно удивляясь, «как в 30 лет, когда я начал писать «Некуда», мне было ясно, что дело Герцена проиграно...» «теперь, стариком, я удивляюсь, как это меняхватило разобраться в то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почве выросли нигилисты и чем они кончат» [FARESOV 1904, 67]; ««Некуда» все оправдано как пророчество» [LESKOV 1958, 339]; «в «Некуда» есть пророчества — все целиком исполнившиеся» [LESKOV 1958, 256].

В 70-е гг. «несостоятельность утилитаризма, не дававшего логической основы порывам к самопожертвованию, низводящего до нуля значение идеальных интересов и в том числе искусство, выяснилась для лучших элементов русского общества» [VENGEROV 1907, 80]. Заслуга Лескова как раз-таки в том и состоит, что он осознал бесперспективность «утилитарного» общественного движения 60-х в свое время, когда нигилизм был доминирующей формой общественной жизни, и противопоставил утилитаризму нигилистического толка нравственный императив социального общежития. Эту черту романа «Некуда» впервые отметил в 1898 г. Л. Толстой: «Он (Лесков. — Г. К.) был первым в 60-х годах идеалистом христианского типа и первым писателем, указавшим в своем «Некуда» недостаточность материального прогресса и опасность для свободы и идеалов от порочных людей. Он уже в то время отшатнулся от материалистических учений о благодеяниях государственного прогресса, если люди остаются злыми и развратными» [FARESOV 1904, 69], «в 60-х годах на очереди стояли государственные задачи, а моральный прогресс подразумевался сам собой... один автор «Некуда» требовал его прежде всего и указывал на отсутствие его начал в жизни даже лучших людей того времени» [FARESOV 1904, 72].

Дилемма о том, что первичнее в процессе общественного преуспеяния — нравственное усовершенствование личности или государственное переустройство — еще в эпоху 60-х гг. встала перед Лесковым во всей своей остроте. В общественной мысли того времени мы находим однозначное решение: «...прекрасное есть создание тех или других благоприятных условий жизни» [SKABIČEVSKIJ 1895, 38]. Нравственное усовершенствование, таким образом, или полностью игнорировалось, или считалось дальнейшим следствием улучшения материального быта. Встав «против господствующих учений», Лесков с силой художественного таланта показал не только бытописательную картинку того времени: суету «лохматых, нечесанных, грязных мужчин и утративших женственность особ женского пола» [VENGEROV 1907, 73], не только бесперспективность революционных «скачков», но и свое «идеалистическое» (по терминологии А. М. Скабичевского) нравственно-антропоцентрическое

видение перспектив исторического развития России, так как «глубокое требование нравственного совершенства побуждало его к созданию идеальных типов» [SOLOV'JEV 1991, 606]. «Враг один у всего человечества, — обращается писатель в «Некуда» к своему читателю. — Это — его невежество и упадок нравов. Противодействуйте ему» [LESKOV 1997, 441].

Очень значима в осмыслении этической позиции Лескова статья Скабичевского «Русское недомыслие», посвященная «общему разбору» антинигилистических романов того времени. «Роман за романом, — в пять лет составила целая школа произведений, однородных по взглядам и тенденциям...» [SKABIČEVSKIJ 1895, 29]. Разбирая их (в том числе и романы Лескова) как «ряд однородных явлений, сливающихся в общий исторический факт», критик причину этого факта ищет «в общих условиях жизни общества» [SKABIČEVSKIJ 1895, 31]. По его мнению, сущность романов Лескова — «идеалистическая» и является «пассивным отголоском» идеалистических пережитков русского общества. Идеализму литературный критик противопоставляет новое мирозерцание под названием «реальной и положительной философии», иными словами — реализм. Различие между идеализмом и реализмом литературный критик видит «в том пути, который избирают люди для достижения своих стремлений» [SKABIČEVSKIJ 1895, 32]. В основе «положительной философии», утверждает Скабичевский, лежит «забота о развитии общего благосостояния... от него прежде всего и более всего зависят все те нравственные и физические совершенства, о которых так долго и так бесплодно сетовали идеалисты» [SKABIČEVSKIJ 1895, 38]. Критикуя идеализм как форму мирозерцания и романы Лескова как ее пережиток, автор следующим образом характеризует идеализм: «Идеализм этого рода, отделяя непроходимой пропастью духовную природу человека от физической и считая первую совершенно независимой от последней, говорит человеку: силою твоей свободной воли ты можешь делать над собой, что тебе угодно, можешь возвышаться духом над твоим бренным телом и покорить его своей духовной власти со всеми его потребностями и страстями. Исходя из этой идеи, идеализм главным условием достижения различных идеалов, или, что то же самое, главным условием прогресса считает, отдельную личность человека с его доброй или злой волей, сильной или слабой... На что же дана и воля человеку — говорит идеализм — как не для того, чтобы бороться против вредных условий? Это прекрасно: но идеализм под этой борьбой подразумевает не стремление устранять вредные условия, а выдерживать их напор и не допускать себя до подчинения их влиянию. Таким образом идеализм направляет волю человека не на внешнюю деятельность, а на внутреннее самовоздержание. Он требует не того, чтобы человек стремился к осуществлению идеалов, а чтобы он, посредством усилий

своей воли над самим собою, был идеальным человеком в каждый момент своей жизни» [SKABIČEVSKIJ 1895, 33]. По мнению автора статьи, в идеализме «человек преувеличил значение своей личности и начал все выводить из нее и приводить к ней». Отсюда «при отрицании пошлой и гнетущей действительности, тщетное исканье идеальных личностей, тщетное обличение пороков и слабостей людей и воззвания к людям, чтобы они старались быть героями, — а затем горькое разочарование, отчаянное отречение от жизни, или же потеря веры в какие-либо идеалы и примирение с самой пошлой, обыденной действительностью» [SKABIČEVSKIJ 1895, 34].

Данная статья, как уже упоминалось, написана как прямой отклик на антинигилистические романы. Не были созданы Лесковым ни «Соборяне», ни «Очарованный странник», ни «На краю света», а критик в первом большом литературном опыте писателя почувствовал и отобразил в своей работе основное его «направление», «предрассудок», «недомыслие», которое теперь мы воспринимаем как достоинство и особенность прозы писателя. Опуская эпитет «тщетное», мы вправе говорить о праведниках Лескова, о его праведническом цикле как о «искании идеальных личностей, обличении пороков и слабостей людей и воззвании к людям, чтобы они старались быть героями» в «пошлой и гнетущей действительности». И в поздних своих произведениях Лесков в лице своих праведников «главным условием достижения различных идеалов, главным условием прогресса считает отдельную личность человека». Розанов, а вслед за ним Туберозов в «Соборянах», о Кириак в «На краю света», о Измаил в «Очарованном страннике», Рыжов в «Однодуме» и другие праведники стремятся не к осуществлению общественных идеалов с целью создания неких «условий жизни», а к тому, чтобы каждый в отдельности «посредством усилий своей воли над самим собою, был идеальным человеком в каждый момент своей жизни». Такова, казалось бы, парадоксальная связь этической позиции писателя 60-х гг. и сформировавшейся позднее концепции праведности Лескова. Между ними не существует дифференциации, кроме той особенности что Розанов действует в плоскости общественно-политической жизни, а праведники — в системе сакрально-бытовых отношений. Вот почему Лесков до конца своих дней относился к своему роману не как к литературному опыту, пробе пера, а как к серьезной, завершенной и вполне осмысленной работе: «Иногда я сам не знаю, что имеет большее у меня значение: мои ли «праведники» (в т. II), мои ли христиане (в т. XI): Клавдия, тетя Полли и квакерша Гильдегарда, или мое «Некуда», написанное молодым человеком, со свойственным возрасту увлечением и бескорыстием» [FARESOV 1904, 66].

За исключением А. М. Скабичевского, никто из критиков не смог осознать творчество Лескова данного периода в контексте христианского идеализма. Его

обвинение в отсутствии у писателя реализма, «положительной философии» в силу глубокого проникновения в проблематику лесковских произведений выглядит в сравнении с другими критическими работами скорее даже похвалой. Для критической мысли того времени такая «вдумчивая», «аналитическая» работа, разбирающая литературное явление (антинигилистический роман) как «исторический факт» в системе подобных ему явлений, составляла редкое исключение. Вектор оценки идеализма (отрицательный) применительно к художественному творчеству, безусловно, типичен для 60-х, но тем не менее сущность проблемы вскрыта очень удачно, так как устами критика о романе «Некуда» говорит не социолог-публицист — типичский представитель литературной критики 60-х гг., а ученый-филолог. Что же говорить о многочисленных критиках, стоявших на твердой позиции социологической публицистики, для которых вовсе не существовало проблемы «самоизгрызания» (А. М. Скабичевский) идеального героя, так как не существовало в жизни самого «идеального» героя?

Отсюда следует полное пренебрежение со стороны критической мысли к позиции Лескова — «христианского идеалиста» (Л. Толстой), к его художественной концепции «праведного», «идеального» героя, стоявшего особняком от всех «теорий жизни», придуманных людьми. «... Он, как Лиза и как «Овцебык», тоже не знал, в сущности, куда идти. Он восстал против всех знамен, против лозунгов и формул, и новых и старых людей, он оттолкнул от себя и церковников, и атеистов, но у самого Лескова не было знамени с огненными словами «сим победиши» [L'VOV-ROGAČEVSKIJ 1913, 484]; «чувствуется какая-то внутренняя недоговоренность, какой-то внутренний скептицизм. И такая двойственность есть основная черта всей второй половины литературной деятельности Лескова. Она была ему присуща и в начале его писательства: злой и трезвый ум, чуждый мистицизма и экстаза, при всей страстности и порывистости его натуры никогда не давал ему увлечься всецело и показывал ему недочеты во всем» [VENGEROV 1896, 150].

Авторы нередко сводят понимание идейно-эстетических взглядов писателя на личностный уровень, обвиняя его в «необразованности», «озлобленности» даже зависти и проч. Невольно приходится согласиться с Р. И. Сементковским, что «русская литературная критика... не задавалась целью понять... автора: к нему прикладывали лишь мерку собственных воззрений те или другие критики, и так как Лесков... под эту мерку не подходил, то оценка его не могла быть ни справедливою, ни убедительною». В силу этого в критической мысли второй половины XIX в. мы не найдем анализа художественной позиции автора, творческой установки, объективной характерологии лесковских героев

и проч. Перед нами наряду с «ущербной» позицией Лескова констатация факта: «Эти произведения (все произведения 60-х годов! — Г. К.) были тяжким грехом Лескова против общественности и свидетельствовали о полной его растерянности и неумении разобраться в фактах... Эти грубо-тенденциозные произведения, в которых не было знания и понимания новой среды и новых идеалов, носили слишком обывательский характер... должны быть отброшены и забыты, как явно и грубо тенденциозные, ошибочные, как нехудожественные произведения; они как черные кляксы, затемнили, заслонили то ценное и важное, что останется в истории литературы» [L'VOV-ROGAČEVSKIJ 1913, 483].

Неправомерно личные качества писателя переносить на характер его литературной деятельности. «Черный фрак русского литератора» не упразднил в Лескове человека, поэтому мы допускаем, что в жизни он мог проявлять «озлобленность». В этом нет ничего удивительного, трудно ожидать «нежных чувств» со стороны Лескова по отношению к тем, кто обесславил начало его литературного пути, в тридцать лет присвоив ему звание «сикифанта». Неправомерно «озлобленностью» и «политической неграмотностью» аргументировать появление «Некуда» и более поздних, «незамеченных» (или мало отмеченных) критикой произведений, написанных в конце 80-х – начале 90-х гг. («Полунощники», «Загон», «Зимний день», «Заячий ремиз» и др), «неудобных» для «нравственно-общественной» критики. Лесков всегда говорил по существу все то, о чем думал сам, не полагаясь на чужие неизвестные или авторитетные мнения. До конца своих дней писатель больше всего ценил в литераторе «готовность страдать за свои убеждения», не поддаваться влиянию ни прогрессивных, ни реакционных «учений». Уже в 1860 г. в одной из первых публицистических статей Лесков горячо выступает против «табунного свойства общества», «по которому люди без всякого желания делают все то, что делают все, и в, силу некоторых авторитетов, считают безмолвие <добродетелью>» [LESKOV 1860, 565]. Пять лет спустя после издания «Некуда» и писаревского «приговора», став «против господствующих течений», Лесков сам на себе испытывает влияние общественного предубеждения — «табунное свойство общества». В то время, когда «политический момент требовал огромной выдержки, политической зрелости и прочной связи с одной из борющихся групп» [L'VOV-ROGAČEVSKIJ 1913, 479], художник осмелился отстаивать собственную позицию, сказать свое слово о перспективах исторического развития России. Голос его в то «в высшей степени подозрительное и болезненно-напряженное время» [FARESOV 1904, 35] был одинок и вызвал бурю негодования прогрессивного лагеря. «Простить моего направления мне не могли» [FARESOV 1904, 57], — признавался Лесков позднее.

В судьбе, произведениях Лескова мы видим удивительное соединение идеи и дела (в чем с такой категоричностью отказывала ему критика), которое последовательно проявлялось на всех этапах творческой эволюции писателя.

Библиография:

- BOGDANOVIČ, A. I. (1897): *Kritičeskije zametki*. Mir Božij, 1897, č. 1, s. 5–11.
- BULANOV, A. M. (1992): «*Um i serdce*» v rusškoj klassike. Sootnošenije racional'nogo i emocional'nogo v tvorčestve I. A. Gončarova, F. M. Dostojevskogo, L. N. Tolstogo. Saratov.
- FARESOV, A. I. (1904): *Protiv tečenij. N. S. Leskov. Ego žizn', sočinenija, polemika i vospominanija o nem.* Sankt-Peterburg.
- KOŠELEV, V. A. (1994): *Slavjanofily i oficial'naja narodnost'*. In: EGOROV, B. F., KOTEL'NIKOV, V. A., STENNIK, Ju. V. (red.): Sankt-Peterburg, s. 122–135.
- LESKOV, N. S. (1860): *O rabočem klasse*. Sovremennaja medicina, 1860, č. 32, s. 561–569.
- LESKOV, N. S. (1956): *Sobranije sočinenij: V 11 T. T. IX*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1957): *Sobranije sočinenij: V 11 T. T. V*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1958): *Sobranije sočinenij: V 11 T. T. XI*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1997): *Polnoje sobranije sočinenij: V XXX T. T. IV*. Moskva.
- L'VOV-ROGAČEVSKIJ, V. (1913): *Leskov*. In: *Ènciklopedičeskij slovar'*. T. XXVII. Moskva, s. 478–484.
- MICHAJLOVSKIJ, N. K. (1914): *Polnoje sobranije sočinenij: V X T. T. VIII*. Sankt-Peterburg.
- PISAREV, D. I. (1956): *Sočinenija V 4 T. T. 3*. Moskva.
- ROZANOV, V. V. (1900): *Universitet v obrazovanii pisatelej*. Novoje vremja, 1990, č. 8705, s. 2–34
- SEMENTKOVSKIJ, R. I. (1897): *Nikolaj Semjenovič Leskov*. In: *Polnoje sobranije sočinenij N. S. Leskova. T. I*. Sankt-Peterburg, s. V–LVI.
- SKABIČEVSKIJ, A. M. (1895): *Kritičeskije etjudy, publicističeskije očerki, literaturnyje charakteristiki: B II T. T. I*. Sankt-Peterburg.
- SKABIČEVSKIJ, A. M. (1906): *Istorija novejšej rusškoj literatury. 1848–1906 z.* Sankt-Peterburg.
- SOLOV'JEV, V. S. (1991): *Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika*. Moskva.
- SOLOV'JEV, Je. A. (1907): *Očerki iz istorii rusškoj literatury XIX veka*. Sankt-Peterburg.
- ŠELGUNOV, N. V. (1974): *Literaturnaja kritika*. Leningrad.
- VENGEROV, S. A. (1896): *Leskov*. In: *Ènciklopedičeskij slovar'*. T. XVIII. Sankt-Peterburg, s. 147–150.

VENGEROV, S. A. (1907): *Očerki po istorii russkoj literatury*. Sankt-Peterburg.
VOLYNSKIJ, A. L. (1901): *Carstvo Karamazovych; N. S. Leskov. Zametki*. Sankt-Peterburg.

Об авторе

Galina Kosych, University of Hradec Králové,
Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature,
Hradec Králové, the Czech Republic, galina.kosych@uhk.cz

